

Итак, сущность подвига столпничества тесно связана с его пластическим выражением в резных фигурах св. Нила. Художественная значимость и стилистическая оригинальность скульптурных изображений преп. Нила Столобенского проистекают из церковного канонического воплощения образа святого, который и является подлинным источником творческого вдохновения для художников-резчиков. Сплошным мифом оказался сложившийся в советском искусствоведении стереотип о «шаблонности и малоинтересности» резных фигур преп. Нила Столобенского, о их «малораспространенности» среди православного народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 85 — 108 об. 1630 г.

² РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 514. Л. 465 об. — 475.

³ РГБ. Собр. Ундольск. № 346. Л. 1 — 73 об.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 336.

⁶ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 98 об. — 100.

⁷ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 514. Л. 472 об.

⁸ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 104.

⁹ Там же. Л. 104 об.

¹⁰ В. Д. Фортунатов. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих. М., 1910. С. 96.

¹¹ Памятники культуры. Новые открытия. М., 1990. С. 219—228.

541-е заседание. 31 октября 2001 г.

Л. И. Щеголева

Путятина минея в русской культуре¹

---

1. Особенности издания Путятиной минеи.

Работа по подготовке рукописи Путятиной минеи (XI в.) к изданию велась в стенах Института мировой литературы РАН. Замысел работы принадлежал М.Ф. Мурьянову, который вдохновил меня на подготовку греческих параллелей к ПМ и на перевод их на современный русский язык. Готовить славянский текст должен был Михаил Федорович. Однако дальнейшая судьба этой работы сложилась так, что мне пришлось взять на себя подготовку обоих текстов и вообще всю работу по изданию Путятиной Минеи. Транскрипция текста ПМ, выполненная Михаилом Федоровичем, была переправлена вдовой ученого в Гарвард США, где она была издана А. Б. Страховым в трех томах журнала *Palaeoslavica*, 1998-2000 г. Текст ПМ издан А.Б. Страховым без греческих параллелей.

К чему приводит недостаточное внимание к учету греческих параллелей, видно на примере ошибок словоделения, которое допустил в своем издании даже такой блестящий славист, как А.Б. Страхов. Так появилось прил. чистоцуму вместо конструкции чистоу умоу, где «ум»,

согласно святоотеческой традиции, является именованием Бога-Сына; композит богатыномудре, не зафиксированный в словарях, вместо наречия богатыно = «щедро, в изобилии» и звательной формы мудре (обращение к воспеваемому святому); наречие подолгоу вместо предположно-падежной формы по долгоу, «должным образом, как подобает» (сущ. долгъ). Разбор ошибок издания в *Palaeoslavica* содержится в предисловии к нашему изданию.

Представление в издании и греческого, и славянского текста в наиболее наглядном виде — на развороте страниц книги, удовлетворяет современным требованиям к изданию переводных памятников и оказался вполне осуществим технически. Греческий текст в издании разбит нами на стихотворные строки и представлен в виде стиховых строк, чтобы лучше была видна его ритмическая структура.

Что касается воспроизведения славянского текста, то здесь полезным оказался опыт предшественников, отталкиваясь от которого, мы применили, смеем надеяться, более совершенную форму. А.Б. Страхов воспроизводит текст рукописи «строка в строку». При этом часто оказывается, что конец строки рукописи разбивает слово на части, когда первая часть его остается на предыдущей строке, а вторая переходит на следующую. Такой способ передачи литературного памятника затрудняет его прочтение и осмысление. Поскольку нами текст готовился с целью его литературоведческой интерпретации, мы стремились дать рукописный текст в удобочитаемом виде и ярче подчеркнуть самой формой воспроизведения его художественные черты. Поэтому мы решили разбить славянский текст, как и греческий, на стихотворные строки и поместить их как обычные стихи. Содержательно-ритмическая единица обозначена в рукописи ПМ точкой в середине строки — она стала границей стихотворных строк в нашем издании. При этом строки ПМ не всегда совпадают с греческими. Е.М. Верещагин в своем издании декабрьской Минеи решил эту проблему таким образом, что вообще отказался от воспроизведения точек славянской рукописи и, хотя и поместил строки в столбец, но подогнал их под греческие строки. Мы не считаем этот способ приемлемым, и вот почему. Греческие стихи разбиты на строки не по смыслу, а лишь по ритмическим критериям, так что конструкция предложения, каковым обычно является один тропарь, может быть разбита на части самым неожиданным с точки зрения синтаксиса и смысла образом. Строки же ПМ в основном представляют собой логическое деление предложения на смысловые фрагменты, что облегчает задачу прочтения и истолкования гимнографического текста. Поэтому мы придерживаемся разбиения славянского текста на строки в соответствии с разделительными знаками рукописи. Думается, что при наличии русского перевода-подстрочника читатель сможет разобраться в славяно-греческих соответствиях даже там, где строчки греческого не совпадают со строками ПМ.

Надстрочные знаки ПМ представляют особую проблему. При стечении гласных часто (но не всегда) в рукописи стоят точки над гласной

в поствокальной позиции. Мы отказались от их воспроизведения в издании по следующим причинам. Во-первых, текст рукописи готовился нами по фотокопии, и была велика вероятность ошибки в воспроизведении точек: чернила во многих местах выцвели, поэтому надстрочные знаки на фотокопии могут быть не видны, и наоборот, точками могут показаться дефекты пергамента или пятнышки, зафиксированные фотокопией там, где изначально точек не было. Поскольку точки ставились пистолетом, как уже было сказано, не всегда последовательно, то это увеличивало риск ошибки. Во-вторых, по нашему мнению, точки отвлекают читателя и мешают ему сосредоточиться на смысле произведения. Нашей главной задачей было воспроизведение ПМ именно как литературного памятника, а не как памятника языка или графики.

При публикации древнего списка всегда встает текстологический вопрос о соотношении его с другими списками. Для ПМ речь идет о параллелях к ней по спискам других древнерусских майских миней. Здесь следует заметить, что ПМ и в этом отношении занимает несколько особое место. Текст майской минеи в истории богослужения оказался неустойчивым. Все ранние майские минеи уникальны. Поэтому метод подведения вариантов и разночтений к ПМ по древнерусским рукописям XII-XIV вв. в подстрочнике к каждому слову ПМ не годится технически: вариантов оказывается столько, сколько было бы взято списков майской минеи. Это утяжелило бы текст и привело бы к дроблению остальных миней на кусочки, поскольку в каждой из них своя последовательность и состав службы. Поэтому было принято решение отказаться от подстрочных текстологических вариантов к ПМ и перенести в комментарий те из них, которые дают значимые расхождения с ПМ. Мы ограничились лексическими расхождениями по двум рукописям XII в. — из собраний ГИМ Син. 166 и РНБ Соф. 203.

Принципиально важной частью настоящего издания является комментарий. Его назначение — поставить памятник гимнографии в контекст богословской образованности своего времени, показать связь минейных песнопений со Священным писанием и творениями святоотеческой литературы и тем самым облегчить читателю прочтение и понимание памятника. С другой стороны, текст минеи воспринимается современным читателем с учетом всей последующей культуры, в том числе и литературы нового времени.

Ниже мы остановимся на двух явлениях русской культуры, которые, будучи освещены светом ПМ, приобретают новую глубину, а современный читатель ПМ приобщается к содержательному богатству ПМ. Первое явление было предметом специального рассмотрения М.Ф. Мурьянова, второе связано с именем академика Д.С. Лихачева.

2. «В крови горит огонь желанья»

М.Ф. Мурьянов в своем блестящем анализе стихотворения А.С. Пушкина «В крови горит огонь желанья» доказывает, что в строках этого стихотворения:

Лобзай меня, твои лобзання
мне слаще мирра и вина

слово «мирра» от мирро (ароматическая смола, горькая на вкус) появилось не по воле автора, а в процессе исправления цензурой: оно заменило собой авторское «мира» (от «миро»), которое должно было читаться здесь первоначально².

Остановимся на этой замене. Не входя в сферу истории пушкинского текста, обратимся к самой лексике. *Миро*, ц.-слав. мѡро, греч. μῖρον — в библейскую эпоху душистое благовоние, приготавливаемое на основе оливкового масла, служащее для помазания священников. *Мирра*, *мирр*, *смирна*, греч. σμύρνα — пахучее и горькое вещество. В церковно-славянских и древнерусских текстах в огласовке змврена, змръна³. В Острожской Библии оно встречается в написании смирна (например, в Ев. от Матфея, 2.11), так и в русском синодальном переводе. В словаре Г. Дьяченко отмечено, что мирра-смирна употреблялась в Мирских целях и, между прочим, для бальзамирования умерших (Ев. от Иоанна 19.39)⁴. Заметим, что и в библейских, и в богословских текстах это слово имеет форму жен. рода, в форме ср. р. *мирро* оно не встретилось ни разу. Гипотеза о цензорской замене уязвима по грамматическому критерию: неужели цензор был столь безграмотен? С другой стороны, смысловое смешение обоих понятий вполне оправданно. Оно происходило еще на греческой почве⁵.

М.Ф.Мурьянов показывает отмеченную впервые Б.В.Томашевским связь пушкинского стихотворения с фрагментом библейской Песни песни, где говорится: «и воня мира твоего паче всех аромать, миро излию имя твое» Песн 1.2 (по Остром л. 45а). В синод. переводе немного иначе: «От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро». Добавим, что «миро» появляется еще раз чуть ниже, в том же стихе Песн 1.4. По Септ: «за тобою к запаху мира твоего побежим». В синод. переводе здесь слова «миро» нет: «Влеку меня, мы побежим за тобою».

Далее исследователь утверждает, что библейская строка «Миро изливанное имя твое» Пушкину не понадобилась, и продолжает: «Сравнение имени с *изливанным миром* по-русски не звучит, оно имело смысл в древнееврейском подлиннике, где художественный эффект достигался созвучием:

šämān	šämākā	schelomo	schulammit
миро	имя твое	Соломон	Суламифь
«умиротворяющий» «умиротворенная»			

а *turaq* («изливанное») поныне является текстологической головоломкой, где подозревают ошибку».

М.Ф. Мурьянов не проследивает дальнейшую судьбу этой «ошибки» в греческом (и славянском) христианском мире, связанную с переводом этого ветхозаветного текста 70-ю толковниками. Покажем, что образ мира изливающего «звучит» по— русски, в древнерусских и русских богослужебных текстах.

«Миро изливающее» в Септуагинте передано как $\mu\theta\upsilon\rho\omicron\nu$ $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$. Определение $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$ от глагола $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega$ «опустошать» (основа $\kappa\epsilon\nu\omicron\varsigma$ «пустой»). Тот же глагол, только в бесприставочной форме, читается в знаменитом тексте о воплощении Христа из послания ап. Павла к Филиппийцам: «Он (Христос), будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил себя самого ($\epsilon\kappa\epsilon\nu\omega\sigma\epsilon\nu$), приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп 2, 6-8). На этих словах ап. Павла основано христологическое понятие кеносиса — добровольного смирения и уничижения Господа, отказавшегося от божественной ипостаси и принявшего на себя «образ раба» (по славянски зрак раба).

Отцами церкви было немедленно замечено тождество глаголов в обоих библейских местах (они различаются только приставкой $\epsilon\kappa$): «миро изливающее» ($\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$) — «излил Себя Самого» ($\epsilon\zeta\omicron\upsilon\tau\omicron\nu\epsilon\kappa\epsilon\nu\omega\sigma\epsilon\nu$), где субъектом в первом случае является «миро», а во втором — Иисус Христос. Тождество действий дало основания и для метафорического отождествления субъектов по функции: «Имя твое, жених, миро, и миро излившееся». Вот что пишет об Евсевий Кесарийский (IV в.): «Что же иное может обозначать имя «миро излившееся», как не имя Христа? Ибо вряд ли иначе может быть назван Христос, как только «миром излившимся»⁶.

Еще более детально осмысливает образ Феодорит Киррский: «Ибо как миро, в сосуде скрытое, скрытым имеет и благоухание, если же прольется, то самый наполняет воздух, так (и) Христос до страсти немногим был известен, когда же принял смерть, и как бы открыл телесный сосуд, исполненными тотчас апостолы благоухания того сделались»⁷.

Славянский текст Священного Писания также дает основания для сближения двух процитированных мест из Песни песней и Послания ап. Павла, так как в обоих случаях здесь употреблен один и тот же приставочный глагол излияти:

Песнь 1.2:   миро излию □ имя □ твое

Флп 2.6-7:   но себе излия, зракъ роба приемъ.

В Вульгате и русском синодальном переводе это сближение не прослеживается: миро изливающее по-латыни: *oleum effusum*. Песн 1.2, где *effusum* «излитое» — прич. наст. перф. от *effundo* «изливать, проливать» (о жидкости), а себя излия — *semet ipsum exinanivit* Phil 2.7., где *exinanivit* — перф. от *exinatio* «опораживать, разгружать», например, *naves* «корабль» (у Цицерона) или *vehicula* «повозки» (у Плиния Старшего), слово скорее из лексикона грузчиков. В синодальном переводе (Песн 1.2): «имя твое — как разлитое миро», идея разлитости выраже-

на не глагольной формой предиката, а прилагательным; (Флп 2.6): «но уничижил Себя Самого», перевод-интерпретация, так как у греческого $\kappa\epsilon\upsilon\omega\upsilon$ нет значения «уничижать». Таким образом, на латинской и русской почве нет оснований для уподобления Иисуса Христа разлитому миру.

В ПМ есть прямая цитата из Послания ап. Павла к Филиппийцам. Канон св. муч. Тимофею и Мавре. 3 мая, песнь 9, тропарь 1:

Видети славу съподобистася
сама себе излиявшаго млсрдия ради
прехвальная
законъ бо его съхраниста
и причастьника страстьм его быста

Причастный оборот второй строки сама себе излиявшаго — описательное именование Христа, славу которого мученики Тимофей и Мавра удостоились увидеть на небесах. Новозаветный текст легко узнается, следование тексту Флп здесь буквальное, разница здесь только в глагольной форме: $\epsilon\kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma$ излия в Флп, $\kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ излиявшаго прич. род. — в тропаре ПМ. Так и в греческом оригинале майской минеи: $\tau\omicron\upsilon \epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\nu \kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$.

В ПМ есть и аллюзия на выражение «миро излиянное». См. 5 мая. Канон мчц. Ирине. Песнь 3, тропарь 3 (аллюзия на Песн 1.2):

Муро проливанию вони
и въселенеи блгоухания даръ
въсприимъши възлете
къ того любви преславная.

Средневековый переводчик минеи не почувствовал скрытой цитаты и перевел $\mu\upsilon\rho\omicron\upsilon \kappa\epsilon\upsilon\omega\theta\epsilon\nu\tau\omicron\varsigma$ «мира излившегося» как муро проливании, передав пасс. прич. существительным. В данном тропаре контаминируются оба места из Писания: с Песнью Песней его связывает лексика «излившегося мира», а с Флп тема любви, появляющаяся в последней строке (възлете къ того любви преславная). Того — «мира излиянного». То, что под «миром излиянным» в ПМ подразумевается, как и в святоотеческих толкованиях, Христос, в греч. минее ясно из развернутого определения к конструкции «мира излиянного»: «вселенную облагоухавшего благодатию». В ПМ въселенеи блгоухания даръ, где даръ вместо $\chi\alpha\rho\iota\tau\iota$ дат. ед. от $\chi\alpha\rho\iota\varsigma$ «благодать». Ясно, что в ПМ переклика с НЗ и, в частности, с прологом евангелия от Иоанна, где говорится о благодати и истине, которые произошли через Иисуса Христа, завуалирована. В минее Соф. 203 XII в., видимо, был несколько другой текст, более точно соответствующий греческому: [миру излия] възшюс въ умъ ти [въселеную о] блгоухавъшю бла [годетию възпри] имъши въперися □ [къ того любви сл]авная.

В печатной минее Московской патриархии это место очень близко к майской минее XII в. Соф. 203:

мира излившегося чувствующи
и вселенную облагоухавшаго благодатию ...
восперися к желанию сего, славная.

Написание местоимения «сего» со строчной буквы показывает, что издатели минеи не разобрались в библейских коннотациях тропаря.

М.Ф.Мурьянов, анализируя пушкинскую строку «слаще мира и вина», отмечает, что «высшее место в шкале христианских ценностей получила разновидность елеса, которой дали название «мюро» — вывод, замечательный тем, что он сделан без обращения к святоотеческой традиции именования «миром» Христа.

Как мы пытались показать, этот вывод подтверждается и памятниками гимнографии, где «миро» — имя Христа, занимающего, несомненно, «высшее место в шкале христианских ценностей». Думается, что цензорский запрет, о котором говорит М.Ф.Мурьянов, преобразовавший пушкинское «слаще мира» в «слаще мирра», был вызван и этим значением слова «миро». Отметим, что процитированные места из ПМ о мире звучали в русской церкви на протяжении десяти веков, где их мог слышать любой прихожанин. Таким образом, через гимнографический текст любой слушатель получал в свое распоряжение святоотеческую экзегетическую традицию, познакомиться с которой из других источников могли только очень образованные люди.

Далее М.Ф.Мурьянов отмечает, что пушкинское «огонь желанья» также находит себе лексические аналоги в Песни Песней, и добавляет: «Нанизывание еще одного слова, создание фразы *горит огонь желанья* придает высказыванию законченность не снижая чистоты...».

Можно привести многочисленные примеры аналогий этой строке в византийских и церковно-славянских гимнографических текстах. М.Ф. Мурьянов не заметил или не захотел привести аналогий метафоре *горит огонь* (о любовном огне) в ПМ, текст которой он собственноручно скопировал от начала и до конца. Вот несколько фраз из служб на разные дни:

любовью гнею раждегъшися 2.19
Ог'немь раж'дгъшися □ любовью Хвнею 2.23
бжмия любовью дшу раждгъ мчнге 3.6
мчце бжи раждегома любовью 4.18
Ог'немь мя любви Хва распали славне 27.17

Итак, уподобление любви ко Христу горящему огню, впервые представленное в минее Архилоха (VII в.) имеет место в ПМ. Пушкинское «желанье» находит аналогии в виде глагола *въжделэти* «желать», который в ПМ имеет явно выраженный оттенок любовного желания:

5 мая. Канон Св. муч. Ирине. Песнь 7, тропарь 3:

въж'делевъши прияти
възлюбленаго доброты
мчния болезни претръпела еси
Иринии зовущи: оць наших' (5.23)

Ей же кондак: Дво прехвальная страстотръпице
добле стражущи по женисе своумь въпияше
тебе люблю бе мои влко
по тебе въжделевъши дю мою предамь

Для следующей пушкинской строки, «душа тобой уязвлена», М.Ф.Мурьянов указывает в качестве источника Песн 2.5: яко уязлена есмь любовию аз (в греч. τετρομενη «ранена»). Уязвленность любовью также имеет аналогию в ПМ.

5 мая. Канон мчц. Ирине. Песнь 8, тропарь 2.

Отроковице любовьию уязвене бывъши
своего жениха последовала еси
сего страстии и муки и знамения
на теле своемь носящи

Ей же седален: доброты твоя Хе □ двая уяз'вися.
притече скоро к видимей доброте.
и в'су телесную
красотоу предала еси въ мукахъ
и въ горькихъ преценииихъ
ныня же въ крас'немь чрътозе
оуд'варяешися оу своего влны.

Ей же стихира 3: Явися □ (*язвися)8 любовьию Хвою
и кумиры възненавидела еси.
и языки бездушныхъ тэлесь.
Ириния, преслав'ная и боразоум'ная.

В заключение можно заметить, что славянское любви служит переводом четырех греческих: *αγαπη* — любовь в НЗ, *ερως* — любовь-страсть, *ποθος* — любовь-желание, *στορυη* — любовь-привязанность⁹. Три первые лексемы обозначают любовь к Богу.

Мотив сладости в пушкинском стихотворении («Мне слаще мира и вина») напоминает стих ПМ:

вьсь сладость есть твои жених страстотръпице
вьсь дтрвьна блгоужания феодосие бце и невеста христова.

Итак, в гимнографии любовь к Христу (особенно если речь идет о мученицах), описывается теми же словами, что и в пушкинском шедевре любовной лирики. И составители канонов, и великий русский поэт черпали тропы из одного и того же бессмертного источника — библейского текста, в данном случае Песни Песней, причем именно в его греко-славянской интерпретации. Ни в Вульгате — латинском переводе Библии, ни в русском синодальном переводе нет ничего подобного. Строка слав. Библии: яко оуязлена есмь любовию ад (Песн 2.5 и 5.8) в Вульгате звучит так: quia amore lanqueo «ибо я утомлена любовью». В русском синод. переводе: «ибо я изнемогаю от любви». Троп утрачен.

Кроме непосредственного обращения к Библии, Пушкин, как и любой другой человек, мог познакомиться с библейской лексикой, присутствуя на службе в церкви, на материале литургической поэзии.

Полный разбор пушкинских четырех строк увел бы нас слишком далеко от темы Путятиной минеи¹⁰. Позволим себе высказать наше мнение только о том, что лежит на поверхности. Великий поэт ставит земную любовь выше двух ценностей, сконденсированных в словах *миро* и *вино*: выше оваянного традицией христианского освящения, а среди земных радостей — выше вина.

2. «По истине красны ноги благовествующих мир»

Академик Д.С.Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» разделе о метафорах-символах пишет следующее:

«Средневековая книжность и средневековое искусство были пронизаны стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и писания. [...] Средневековый символизм «расшифровывает» не только многие мотивы и детали сюжетов, но он же позволяет понять многое и в самом стиле литературы средневековья. В частности, так называемые места средневековой литературы, столь в ней распространенные, во многих случаях отражают особенности средневекового символизированного мировоззрения. Так, например, средневековой символикой объясняются многие из «литературных штампов» средневековой агиографии. [...] Агиографы стремятся воплотить в житии святых «вечные истины», символические отношения, которые в наше время во многих случаях воспринимаются только как «литературные шаблоны».

Стремление к освобождению литературного творчества из-под власти теологии исследователь видит, в частности, в «перевешивании» материальной части символа над духовной. Отсюда средневековый «реализм» (термин средневековой философии), приводящий к материальному воплощению символов». Д.С. Лихачев приводит в качестве примера изображение в композиции Страшного суда исполинской кисти руки, сжимающей души праведных в образе младенцев — как «материализованное» библейское выражение «души праведных в руке Божией».

«Образный перевес духовной части образа приводил иногда к той же его «материализации». Так, например, реальное отправление Стефана Пермского на проповедь приобретает в «Житии Стефана», составленном Епифанием Премудрым, символический, духовный смысл. Отсюда и ноги Стефана «духовные», отсюда дальнейшее абстрагирование ног Стефана и неожиданный эпитет: «... по истине бо тех суть красны (т. е. красивы — Д.Л.) ноги благовествующих мир»¹¹.

В этом прекрасном анализе нам хотелось бы оспорить оценку «неожиданный», которую исследователь дал эпитету «красные» (ноги). Эпитет и целиком образ красных ног благовествующих мир имеет за собой богатую христианскую традицию. Он представляет собой дословную цитату из послания ап. Павла к Римлянам: како же проповедя Аще послани будут, якоже ес писано. Яко красны ноги блговествующих миръ. блговествующих блгая (Рим 10.15). В русском синод. переводе: «И как проповедовать, если не будут посланы, как писано: Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»

Слова эти сказаны ап. Павлом об апостолах, что подчеркивается лексической перекличкой «если не будут посланы» в послании — «сих двенадцать послал Иисус» в евангельском рассказе об отправлении апостолов на проповедь (Мф 10.5).

Епифаний Премудрый, включая эту новозаветную цитату в свой рассказ об отправлении Стефана Пермского на проповедь, таким образом приравнивает подвиг св. Стефана по просвещению Пермской земли к апостольскому благословению, а самого Стефана — к апостолам. То, что процитированное Епифанием Премудрым место из послания апостола Павла к Римлянам является, говоря словами Д.С.Лихачева, «общим местом средневековой литературы», одним из «литературных штампов средневековой агиографии», «вечной истиной» и «литературным шаблоном», доказывается включением этой цитаты или аллюзий на нее в церковные песнопения, посвященные апостолам.

В ПМ есть два таких места — в каноне и стихирах апостолу Симону (10 мая).

Песнь 8, тропарь 1: Яко красн'е нозе твои, Симоне ·
блголеньнъ же ти юдынъ ·
пою славоу бжию ·
и оуча□ же вътипи · га хвал[ите].

Стихира 2: Симоне апль похвала ·
оукрасистася□ нозе ти
поутьмъ проповедии ступающи предобрыю ·
поути в'ся□ вражию узющи
широотоу разоумения словеси.

Таким образом эпитет «прекрасные ноги» может показаться «неожиданным» только на первый взгляд.

Судьба этого эпитета оказалась различной в разных культурах. Прочитанное место из послания ап. Павла к Римлянам в свою очередь является цитатой из книги пророка Исаии (Ис 52.7). В русском синодальном переводе в обоих случаях ноги названы «прекрасными»: «Как прекрасны ноги благовествующих мир» (НЗ) — «Как прекрасны на горах ноги благовестника» (в кн. пророка Исаии). Так и в Вульгате: *quam pulchri* (НЗ) — *quam speciosi* (Исаия). Что касается греческой традиции, то изначально, как можно предполагать, «прекрасных ног» в ней вообще не было. «Я пришел, как время (ὥρα) на горы» — говорит Господь у Исаии в Септуагинте. Так и в славянской библии. В списке, который послужил источником цитаты для ап. Павла: «как своевременны (ὥσώρατοι) на горах ноги благовествующих благое». Согласно толкованию в словаре Нового Завета В. Бауэра, такой смысл имеет этот эпитет и в послании к Риолянам, которое он переводит так: «Как своевременно явились вестником радости, которые возвещают благо»¹². Однако у слов ὥρα «время», ὥρατος «своевременный» есть и другое значение: «красота» и «красивый», которое развилось так: «время» — «время года» — «весна» — «весна жизни» — «юность» — «красота». Именно это последнее значение стало единственным у прил. ὥρατος в современном греческом языке, в то время как значение «своевременный» утратилось. Видимо, именно в современном им значении «красивый» понимали эпитет ὥρατος византийские гимнографы VIII-IX вв. Об этом свидетельствует употребление глагола ὥρασομαι «украшаться» (о ногах), изначально не имевшего смысл «своевременности» (украсите же нозе ти путем проповедии ступающеи), а в стихире ап. Симону также параллель «прекрасные ноги» — «благословенный язык» в каноне этому апостолу.

Так же поняли эпитет «ὥρατοι οἱ ποδες» и славянские переводчики послания ап. Павла к Римлянам, из которого это «общее место» перешло в древнерусскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Доклад, прочитанный в ИМЛИ РАН на заседании Общества исследователей Древней Руси 12 октября 2001 года по поводу презентации книги Щёголевой Л.И. «Путятина миня в круге текстов и истолкования». М., «Территория», 2001. 480 с. Орфография ПМ передается очень упрощенно.
- ² Мурьянов М.Ф. Вопросы интерпретации антологической лирики (стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья») // Он же. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 230.
- ³ Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., «Прогресс», 1987. Т. II. С. 100. Т. III. С. 689.
- ⁴ Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., «Тerra-Книжный клуб». 1998. (Репринтное воспроизв. и здания 1900 г.). Т. 1. С. 306-307.
- ⁵ Pauly August, Wissowa Georg. Pauly Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1893-1972.
- ⁶ Евсевий Кесарийский. Доказательство в пользу Евангелия.
- ⁷ Феодорит Киррский. Толкование на Песнь Песней.

⁸ Испорченное *язвися □ восстановлено нами по минее XII века.

⁹ Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Vol. I-II. Oxford. 1925-1936.

¹⁰ Даже для четвертой строки мы привели далеко не все ассоциации. О слове мирра см. нашу статью «Миро или мирра?»

¹¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., «Наука», 1979. С. 167.

¹² Bauer Walter. Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Zu den Schriften des Neuen Testaments und der uebrigen urchristlichen Literatur. Berlin, 1958. 63.

542-е заседание. 14 ноября 2001 г.

К. А. Аверьянов

Кто такие баскаки!

В современной историографии, со времен А.Н. Насонова, общепризнанным считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся «тьмами», границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды — баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну.

Основой для подобного утверждения послужило свидетельство Рогожского летописца, согласно которому в 1360 г. князь Дмитрий Константинович Суздальский получил «княжение великое, 15 темь»¹. Встречающееся здесь выражение «темь» или «тьма» в тогдашнем языке обозначало число 10000. Читаем: «дасть на нем 10000 рубльє серебра, еже есть тма»². Но оно имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином «туман», «тюмень» обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в этом значении («область, округ») этот термин использован в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506-1507 гг. великому князю литовскому Сигизмунду, который хотя и относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре восходит к более ранней эпохе. Среди прочих, в нем упоминаются Киевская тьма, Владимирская (Владимира-Волынского) тьма, Подольская тьма и т.д.³ Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова к выводу, что термин «тьма» мог употребляться и в значении податного округа⁴. Но что следует понимать под фразой «княжение великое, 15 темь»?

В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о просьбе литовского князя Витовта, обращенной к хану Тохтамышу: «ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темь»⁵. Употребленное здесь выражение «17 темь» очень близко к цифре «15 темь» Рогожского летописца и также связано географически с территорией Великого княжения Владимирского, которое, как считается, после 1389 г. слилось с территорией Москов-